

момент ещё временно замещала должность первого секретаря горкома, т. е. была полновластной, обещала разобраться, попросив написать, что он говорил, в письме. Письмо тут же было написано и отправлено курьером.

На другой день мой начальник опять позвонил секретарю горкома, она ответила, что поручила рассмотреть срочно соответствующий отдел, но какая-то трудность существует. Из профсоюзной организации мне звонят, я отвечаю: «Всё будет в порядке». Мне говорят: «Завтра отлёт утром». Отвечаю, что знаю. До позднего вечера ждал я положительного ответа, и только на следующее утро, примерно через полчаса после отлёта самолёта, мне позвонили, что дают добро. Самолёт так и улетел со свободным креслом, и группа поддержки уменьшилась на одного человека, что не помешало нашей команде стать опять чемпионом мира. Мне же потом знакомые работники горкома рассказали, что секретарю горкома — председателю выездной комиссии — противостоял простой инструктор соответствующего отдела; будучи одновременно работником КГБ, он располагал докладной запиской своего коллеги, который в прошлом году сопровождал группу, написав, что я интересовался книгами на русском языке.

Письма Белинского

История, которую я хочу рассказать, удивительна даже среди самых необычайных книжных находок.

Вся романтика книжного собирательства как бы сфокусировалась в ней.

Если бы меня спросили, кем бы я хотел стать, начав жизнь вновь, я бы ответил, что стал бы букинистом. Эта профессия, по моему мнению, одна из наиболее романтичных, ты всё время находишься в режиме поиска.

Можно искать грибы, ловить рыбу, охотиться, искать счастья в карточной игре, участвовать в различных лотереях, то есть создавать в своей жизни условия для поиска удачи в той или иной её стороне. Если же ты профессиональный букинист, то вся твоя работа — это поиск, ты ищешь редкие книги, отдельные тома собраний, другие печатные издания, с волнением ждёшь встречи с каждым, кто приносит продавать старые книги, ты ведь ещё не знаешь, что тебе сейчас предложат, какая встреча ждёт тебя. И это всё твоя работа, твоя повседневная жизнь!

И при этом непрестанно учишься. Лучших университетов, наверное, не существует для человека, желающего знать как можно больше, как можно шире. Недаром хороший букинист — желанный друг, товарищ, партнёр, приятель, собеседник, собутыльник, но я слишком увлёкся.

То, что я написал, напомнило мне одно из писем В. Г. Белинского своему другу В. П. Боткину, в котором он после своего переезда из Москвы в Петербург описывал свои впечатления о посещении публичного дома. Сравнивая достоинства и недостатки двух жриц любви, молодой русской, и в более поздних годах немки, пришёл к выводу, что немка поопытнее и это

интереснее. Заканчивая свои размышления по этому поводу, В. Г. Белинский заключает словами: «... и, кроме того, можно учиться немецкому, и я уже знаю несколько бранных слов.»

Прочитанное письмо В. Г. Белинского опубликовано в составе трёх томов писем, которые выпустило в 1913–1914 годах книгоиздательство «Огни» под редакцией Е. А. Ляцкого. В предисловии к собранию писем Ляцкий сообщил, что редактор вынужден был исключить из ряда писем строки и отдельные слова, заменив их в напечатанном тексте точками. Таково было требование цензуры.

При этом в целях воспроизведения действительного текста для фундаментальных библиотек и соответствующих научных центров цензура разрешила отпечатать несколько экземпляров тиража без изъятий. Мне приходилось слышать, что такое разрешение было дано по поручению царя, к которому обращался Ляцкий.

По сообщению известного московского букиниста Льва Абрамовича Глезера, он ссылаясь при этом на мнение старых московских книжников, без изъятий было напечатано 20 экземпляров. Их редкость настолько велика, что П. П. Шибанов в своей брошюре, изданной от имени «Международной книги» «Ищем купить» из 378 наименований книг XV–XX веков, только в нескольких случаях в графе «предлагаемая цена» проставил ???, то есть затруднился её назвать, лишь бы кто-нибудь предложил эти, почти что уникальные редкости. К их числу относился и 3х-томник писем В. Г. Белинского (без изъятий).

И тут, предваряя рассказ, подтверждающий большую романтическую поисковую редкость книг, позволю себе процитировать несколько строк из книги Л. А. Глезера об этой моей находке, хотя, возможно, это покажется читателю нескромностью с моей стороны. Итак, слово Л. А. Глезеру:

«И вот в 1971 году мой друг, известный в Москве библиофил А. Л. Ф., большой знаток русской старой книги, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях нашего дела, приобрёл это уникальное издание при неожиданных обстоятельствах».

Я, разумеется, расскажу подробнее об этом.

В один из летних дней 1971 года мне утром позвонила ленинградская приятельница и при разговоре высказала желание провести сегодняшний вечер вместе. Я обещал подумать, но во второй половине дня меня неумолимо потянуло в Ленинград. В то время, как, возможно, знают читатели по кинофильму «Ирония судьбы или с лёгким паром», самолёты по маршруту Москва–Ленинград уходили каждые полчаса. Поэтому не составляло труда отправиться в Шереметьево, купить билет и через один час очутиться в Питере. Проведя приятный вечер, я утром отправился на такси в аэропорт и, проезжая по Невскому проспекту, в магазине около Московского вокзала, а проехать мимо букинистического магазина и не заглянуть в него — это выше моих сил, внимательно осмотрел стеллажи, где были выставлены старые книги. И тут, как в случае с книгами Н. Гоголя, уже рассказанном ранее, на самой верхней полке я увидел три тома писем Белинского в переплётах.

До этого случая я много раз встречал в продаже это издание, вышедшее из печати в 1913-14 гг., перед самой первой мировой войной; оно, как правило, не успело найти владельцев, которые успели его переплести, и поэтому встречались почти всегда в непереpletённом виде. Цена 3х томов по каталогу, действовавшему в 1971 году, была 4 рубля. Всё это я знал, как и знал о существовании экземпляров с полным текстом, т. е. без точек. Что-то заставило меня попросить показать мне эти книги.

Продавец с неохотой полез по стремянке за книгами, стоящими на самой высокой полке, и подал их мне. Так как покупать обыкновенный экземпляр писем в мои планы не входило, я, прежде всего, взял в руки первый том и посмотрел на цену. Она была 6 руб. с апрельской датой оценки. Дело было в июне и, хотя я держал в руках настороживший экземпляр, первыми моими мыслями были: «... не может быть, чтобы товаровед, оценивающий комплект, не знал о полных экземплярах; сомнительно, что продавец, принёсший эти книги в магазин, об этом тоже не знал, и совсем уже невозможно, чтобы ленинградские книголюбы в течение двух месяцев не могли распознать это поистине библиографическое сокровище».

Полистав в таких раздумьях первый том в поисках пропусков в тексте, я, тем не менее, ничего необычного в нём не нашёл и решил отказаться от покупки. Сел в такси и поехал дальше. Раздумья мои продолжались, что-то меня продолжало волновать и, подумав, что 6 руб.— это только бутылка хорошего

коньяка, спросив шофёра, успеем ли в аэропорт, вернулся в магазин; книжки на моё счастье ещё лежали на прилавке. Заплатив 6 руб. и отвергнув предложение продавца завернуть покупку, я помчался в аэропорт. Держа в руках книги, я, наконец, понял, что же останавливало моё внимание. Это было тиснение на корешке переплётов. Тиснутое золотом (потому что не потускнело), большими буквами, оно воспроизводило фамилию Белинского в советской транскрипции, без букв «ять» и «і». Это означало, что переплёты были сделаны в советское время. Такие переплёты в двадцатые годы советского времени могли быть сделаны только для особых книг. Вот наблюдение такой необычности помогло мне приобрести бесценный комплект писем В. Г. Белинского.

В этом я убедился, сидя в самолётном кресле и внимательно рассматривая уже все три тома. Тогда-то я выяснил, что точками широко пользовались при печатании второго тома, где наиболее образные, но нецензурные выражения были в письмах к В. П. Боткину, тоже литературоведу. Цитата из письма В. Г. Белинского, приведённая в начале этого рассказа, из второго тома.

Написал этот рассказ и задумался, как такое могло произойти? Ведь эти книги я нашёл не где-то в провинции на толкучке, не в сарае или на чердаке, брошенном в каком-то доме, ни у совершенно не сведущих людей, а в Ленинграде, на Невском проспекте, в крупном букинистическом магазине около Московского вокзала, т. е. в центре интересов ленинградских и московских книголюбов.

Попробуем представить судьбу этих книг. То, что первый владелец в 1914 году знал, что находится в его руках, сомневаться было бы легкомысленным. Не украл же он эти книги из типографии? Да, наверное, и в типографии хватились бы, ведь число тиража шло на десятки, если не на единицы. Значит, владелец знал, но переплести их с целью обеспечения дальнейшей сохранности до Октябрьских событий и гражданской войны не успел. Если книги ему удалось сохранить, то в начале двадцатых годов он отдал их переплести. В этом случае это был, вероятно, человек, не отрицавший прошедшие в стране перемены, что определяется тем, что он с охотой написал на корешках переплётów фамилию автора с советской транскрипцией, несмотря на то, что на титульных листах она была напечатана в прежней орфографии, с буквами «і» и «ять».

Если же это сделал не он, а второй владелец, купивший или отнявший каким-то образом книги у первого, то он знал, что это особый экземпляр, так как не тратил бы столько золота на тиснение на корешках. Значит, знал и был состоятелен в начале двадцатых годов. Кто же он и когда расстался с книгами? Не в годы ли ленинградской блокады 1941–1944 гг.? Может быть, он погиб во время блокады или уехал воевать, а может, направился в эвакуацию, не взяв с собой это, можно сказать, «книжное сокровище». А может, это именно он сохранил в блокаде от гибели книги. Ведь известно, что ленинградцы, особенно в первую блокадную зиму, сожгли огромное количество книг, спасаясь от холода. Так или иначе,

книги пережили блокаду и сохранили при этом свой прекрасный вид.

Когда же последний владелец, знавший секрет издания, расстался с книгами, уже не узнать. Потому, что продававший в магазин эти книги, ничего о них не знал. Это мог быть несведущий наследник или кто-то другой. И он попал на товароведа, который тоже не знал. О дальнейшей судьбе книг я уже написал.

Вот на какие раздумья может навести очередное приобретение книг для своего собрания, при том, что на книгах нет никаких помет, или печатей, предпосылок для анализа их жизненного пути.

Книжный марафон

У меня был (последнее слово я написал с чувством глубокой горечи о недавней его потере) коллега и близкий друг в течение более, чем сорока лет — Геннадий Леонидович Краузе. Он работал бессменным директором самого крупного автотранспортного предприятия в системе Главмосавтотранса, в центральном аппарате которого работал и я также в течение многих десятков лет. Таким образом, и наша дружба была многолетним фактором. За её время, неоднократно поздравляя с нашими днями рождения, мы передавали друг другу огромный перечень различных предметов. Я, конечно, всегда норовил подарить ему книги или книгу, так как всю жизнь считал, да и считаю и в настоящее время, что книга — лучший